

Императрица Елисавета Алексѣевна и князь Адамъ Чарторижскій.

(Изъ придворной хроники XVIII в.).

Въ хроникѣ придворныхъ интригъ конца XVIII вѣка отношенія императрицы Елисаветы Алексѣевны, въ то время еще великой княгини, къ извѣстному въ русско-польской исторіи кн. Адаму Чарторижскому занимають не послѣднее мѣсто по своему историческому значенію: они не только уясняютъ нѣкоторыя событія Павловскаго и Александровскаго времени, но и представляютъ, взятыя въ цѣломъ, новыя данныя для характеристики самого супруга императрицы Елисаветы, былого „сфинкса“ новѣйшей русской исторіи, императора Александра Павловича. До послѣдняго времени, однако, въ этомъ любопытномъ эпизодѣ въ исторической литературѣ не появлялось никакихъ документальныхъ данныхъ, кромѣ отрывочныхъ извѣстій современниковъ. Конечно, это и было причиной того, что новѣйшій біографъ императрицы Елисаветы, великій князь Николай Михайловичъ, обошелъ въ своемъ трудѣ вопросъ о ея близкихъ отношеніяхъ къ Чарторижскому полнымъ молчаніемъ, а въ позднѣйшихъ своихъ статьяхъ отрицалъ даже самую возможность этихъ отношеній. Мы попробуемъ въ настоящей статьѣ сгруппировать существующія теперь свѣдѣнія о близости Адама Чарторижскаго къ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, въ бытность ея великой княгиней, въ возможно полной картинѣ.

Извѣстно, что императрица Екатерина II спѣшила въ 1793 г. женить любимаго своего внука и предполагаемаго наслѣдника, великаго князя Александра Павловича, на баденской принцессѣ Луизѣ, принявшей имя Елисаветы Алексѣевны, когда жениху было всего 15 лѣтъ, а невестѣ только 14 лѣтъ. Лелѣя въ душѣ мысль объ устраненіи Павла Петровича отъ

ціи своей жены. Это только еще болѣе раздражило его противъ меня, и я приняла рѣшеніе молчать и страдать молча“.

Эта картина домашней жизни великокняжеской четы, нарисованная преданнымъ другомъ Елисаветы Алексѣвны, живо представляетъ намъ и безпомощное ея положеніе, и ту недостойную роль, какую уже въ 1796 году, слишкомъ два года спустя со времени своей свадьбы, игралъ ея 17-лѣтній супругъ. Такое положеніе дѣлъ не могло долго продолжаться, и добродѣтель юной „Психеи“ должна подвергнуться сильному искушенію въ ближайшемъ будущемъ. Графиня Головина, вѣрившая, что великая княгиня вышла побѣдительницей изъ этой борьбы, тѣмъ не менѣе занесла на страницы своихъ „Записокъ“ слѣдующій случай, происшедшій чрезъ нѣсколько дней послѣ описанной ранѣ сцены.

„Однажды утромъ я сидѣла за клавесиномъ съ графиней Толстой, когда услышала, что дверь тихо отворилась и вошла или, лучше сказать, влетѣла въ комнату великая княгиня. Она взяла меня за руку, повела меня въ мою спальню, заперла дверь на ключъ и бросилась въ мои объятія, заливаясь слезами. Я не могу передать, что случилось со мною. Она собиралась сказать мнѣ что-то, какъ вдругъ постучались ко мнѣ въ дверь, крича, что пріѣхала моя мать изъ деревни меня навѣстить. Великая княгиня была очень огорчена этой помѣхой и сказала мнѣ слово, которое я никогда не забуду; затѣмъ она отерла свои слезы, вышла въ гостиную и была очень привѣтлива съ моей матерью, налила ей чай и сдѣлала видъ, что пришла нарочно, чтобы предложить ей завтракъ“.

Съ этого времени Головина уже не имѣла случая вступать съ великой княгиней въ дружескія, интимныя бесѣды до самаго отъѣзда своего съ наступленіемъ весны изъ Царскаго Села. За нѣсколько дней до отъѣзда,—говорила графиня Головина,— великая княгиня Елисавета попросила у меня прощальную записку. Я никогда не могла понять мотива этой просьбы, но это еще болѣе огорчило мои мысли. Все, казалось, приходило къ грустному концу. Я повиновалась ей, а она дала мнѣ въ обмѣнъ также записку, которую я храню до сихъ поръ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, съ воцареніемъ императора Павла, графиня Головина была вовсе удалена отъ великой княгини. „Я болѣе не видала великой княгини Елисаветы,—говоритъ она.—Мои пожеланія, моя сильная привязанность къ ней,—все осталось неизмѣннымъ, но великій князь Александръ воспользовался нерасположеніемъ ко мнѣ императрицы, своей

матери, чтобы отнять у меня всякую возможность видѣть великую княгиню и быть съ нею въ сношеніяхъ“. Мы едва-ли ошибимся, предположивъ, что и сама Елисавета Алексѣевна уже стѣснялась въ это время обществомъ своей прежней подруги, нравственные принципы которой и нерасположеніе къ Чарторижскому ей хорошо были извѣстны. Между тѣмъ, придворный шопоть о чувствахъ къ Елисаветѣ Алексѣевнѣ князя Адама Чарторійжскаго не прошелъ для нея даромъ: возвратясь въ Петербургъ изъ поѣздки своей въ Москву на коронацію осенью 1796 года, императрица Марія Ѳеодоровна объявила своимъ невѣсткамъ, какъ сообщаетъ Головина, что онѣ не будутъ разставаться съ нею ни днемъ, ни ночью, и, дѣйствительно, по пріѣздѣ въ Павловскъ на лѣтнее мѣстопробываніе, она приказала своимъ невѣсткамъ спать въ ея комнатѣ. У великихъ княгинь Елисаветы Алексѣевны и Анны Ѳеодоровны не было даже другого помѣщенія, какъ апартаменты государыни. Этотъ стѣснительный образъ жизни и общія суровыя условія режима новаго императора довели Елисавету Алексѣевну до болѣзни. Она получила наконецъ позволеніе не являться при дворѣ и провести нѣсколько недѣль въ полномъ уединеніи. Доктора предписали ей употребить это время на лѣченіе. При всемъ томъ молодая великая княгиня находилась подъ бдительнымъ надзоромъ царственной своей свекрови, пока сама императрица не лишилась въ іюль 1798 года своего вліянія на своего супруга, увлекшагося княжной Лопухиной и, предаваясь въ уединеніи своему горю, должна была отказаться отъ наблюденія за своими невѣстками и была безсильной зрительницей паденія своей партіи, во главѣ которой стояла фрейлина Нелидова и братья Куракины. Молодые великія княгини пользовались теперь сравнительной свободой...

Всѣ эти показанія графини Головиной пріобрѣтаютъ для насъ тѣмъ большее значеніе и достовѣрность, что они получили молчаливое, но вѣское подтвержденіе самой Елисаветы Алексѣевны. Много лѣтъ спустя, когда она вновь стала оказывать Головиной вниманіе и довѣріе, Головина сообщила ей рукопись своихъ „Записокъ“ съ приведенными нами страницами, желая знать мнѣніе своего идола, которому вѣрила безгранично. Елисавета прочла ихъ и возвратила рукопись автору безъ всякаго замѣчанія. Трогательная наивность графини В. Н. Головиной, безсознательно оставившей потомству столько хвостовъ и намековъ въ своихъ впечатлѣніяхъ, замыкала уста даже для заинтересованной стороны.

Самъ Чарторижскій въ изданной части его „Мемуаровъ“, какъ галантный рыцарь, ни однимъ словомъ не упоминаетъ объ отношеніяхъ своихъ къ великой княгинѣ, распространяясь исключительно о дружбѣ своей съ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ и о немилости императора Павла, которую навлекла эта дружба на князя Адама. Не отрицая справедливости приводимыхъ имъ фактовъ, нельзя не замѣтить и односторонняго ихъ толкованія. Если, какъ говоритъ графиня Головина, „чувства князя Адама къ Елисаветѣ Алексѣевнѣ были всѣмъ извѣстны“, то, безъ сомнѣнія, ихъ не могли поощрять ни императрица Марія Ѳеодоровна, ни императоръ—Павелъ. Отсюда стремленіе ихъ удалить его отъ молодого двора и даже совсѣмъ изъ Петербурга, встрѣчавшее упорное противодѣйствіе со стороны замороженнаго вкрадчивымъ полякомъ великаго князя Александра.хлопоты великаго князя привели наконецъ къ компромиссу: Чарторижскій переведенъ былъ на гражданскую службу съ назначеніемъ гофмейстеромъ двора великой княжны Елены Павловны¹⁾. „У князя Чарторижскаго,—пишетъ Головина,—не было ни расположенія, ни влеченія къ мелочамъ службы, а, между тѣмъ, въ глазахъ императора, онъ и вмѣнялись въ наибольшую заслугу каждому. Его величество поговаривалъ, не дать ли ему команды надъ баталіономъ или даже полкомъ, но великій князь, содрогаясь при мысли, что государь можетъ открыть неспособность князя къ капральной службѣ, предупредилъ немилость, которой онъ подвергся бы въ подобномъ случаѣ, и предоставилъ ему мѣсто гофмейстера. Эта перемѣна не измѣнила въ сущности ничего. Великій князь сохранилъ ту же привычку къ князю и то же фамильярное съ нимъ обращеніе. Новая должность требовала присутствія Чарторижскаго при дворѣ, за которымъ онъ слѣдовалъ всюду, и, кромѣ того, императоръ предоставилъ ему должность по Мальтійскому ордену. Несмотря на это, великій князь и князь Чарторижскій были убѣждены, что этотъ послѣдній вскорѣ впадетъ въ немилость у императора. Неспособный по своему характеру ко всѣмъ придворнымъ интригамъ, къ низости и заискиванію, свойственному обыкновеннымъ придворнымъ (таково было мнѣніе, которое онъ сумѣлъ въ то время внушить о себѣ ихъ императорскимъ высочествамъ), онъ дѣйствительно дорожилъ только великимъ княземъ, не имѣлъ и не думалъ искать никакой другой опоры.

¹⁾ До этого времени Чарторижскій, въ чинѣ полковника, состоялъ адъютантомъ великаго князя.

Однако ея одной было недостаточно въ то бурное и переменчивое время. Великій князь предвидѣлъ заранѣе катастрофу, которая должна была удалить его отъ друга, и уже прошло нѣсколько мѣсяцевъ, какъ онъ предложилъ князю Чарторижскому оставить у него бумаги, которыя опасно было бы князю держать при себѣ.

Катастрофа, которую предвидѣлъ великій князь Александръ Павловичъ по отношенію къ князю Адаму, могла имѣть связь со слухами, распространяемыми при дворѣ, о предосудительной близости молодого поляка къ двору наслѣдника престола, при чемъ великому князю давали роль слѣпого мужа. Слухи эти получили нѣкоторое реальное подтвержденіе, когда при дворѣ стало извѣстно, что великая княгиня Елисавета Алексѣвна почувствовала признаки беременности.

19 мая 1799 года у великой княгини Елисаветы родилась дочь, великая княжна Марія Александровна. Вѣрившая супружескимъ добродѣтелямъ Елисаветы Алексѣвны, графиня В. Н. Головина сообщаетъ о послѣдовавшихъ затѣмъ событіяхъ при дворѣ слѣдующій рассказъ, который мы должны были выпустить, по цензурнымъ условіямъ, при изданіи ея „Записокъ“ въ 1901 году.

„Князь Чарторижскій, остававшійся ближайшимъ другомъ великаго князя Александра, послужилъ орудіемъ самой ужасной клеветы, которой суждено было очернить репутацію и честь великой княгини Елисаветы. Ея свекровь, всегда завистливая къ ея достоинствамъ, не упустила случая повредить ей; графъ Толстой (Николай Александровичъ, гофмейстеръ молодого двора), играя роль вѣрнѣйшаго и преданнѣйшаго слуги ихъ высочествъ, былъ первымъ довѣреннымъ лицомъ императрицы, ея шпиономъ и прихвостнемъ. До этого времени (августа 1799 г.) императоръ Павелъ прекрасно относился къ своей невѣсткѣ послѣ ея родовъ. Онъ часто обращался къ ней за подробностями о маленькой своей внучкѣ и даже напоминалъ ей о необходимости имѣть сына. Но во время послѣдняго пребыванія своего въ Павловскѣ императрица приказала однажды великой княгинѣ Елисаветѣ прислать къ ней внучку, хотя ей было всего три мѣсяца, а помѣщеніе великаго князя Александра было довольно удалено отъ дворца. Нужно было повиноваться, а по возвращеніи дочери, великая княгиня узнала отъ сопровождавшихъ ее дамъ, что императрица носила внучку къ императору. Великая княгиня Елисавета, которая была далека отъ мысли о бурѣ, собиравшейся

надъ ея головой, была только благодарна императрицѣ, видя въ ея поступкѣ лишь желаніе приучить императора къ его внучкѣ. Она жестоко обманулась въ этомъ отношеніи и скоро узнала о томъ. Но виновники этихъ непріятностей сумѣли скрыть отъ нея часть правды и навлечь ея негодование противъ тѣхъ лицъ, которыя были менѣе всего въ этомъ виноваты. Графъ Растопчинъ и г. Кушелевъ были въ приемной предъ кабинетомъ императора, когда въ ней внезапно появилась императрица съ ребенкомъ въ рукахъ. Она сказала имъ: „не правда ли, какое это прекрасное дитя?“. Они подтвердили это, а затѣмъ она прошла къ императору, отъ котораго чрезъ четверть часа она вышла еще быстрѣе, чѣмъ вошла. Послѣ этого пришелъ Кутузовъ звать Растопчина къ государю и сказалъ ему по-русски: „Боже мой, зачѣмъ только эта несчастная женщина приходила возмущать покой государя ужасными словами!“. Растопчинъ вошелъ къ императору и нашелъ его крайне взволнованнымъ. „Подите,—сказалъ Павелъ Растопчину,—напишите какъ можно скорѣе приказъ объ удаленіи Чарторижскаго въ одинъ изъ Сибирскихъ полковъ. Моя жена только-что возбудила во мнѣ нѣкоторыя сомнѣнія о моей внучкѣ. Толстой знаетъ объ этомъ такъ же, какъ и она“. Растопчинъ отказался исполнить приказаніе, представляя его величеству, что подобныя рѣчи дадутъ пищу самой ужасной клеветѣ и что удаленіе Чарторижскаго покроетъ вѣчнымъ стыдомъ великую княгиню, столь же добродѣтельную, сколь и невинную. Но онъ не могъ поколебать рѣшенія императора, и, видя, что его невозможно переубѣдить, Растопчинъ ограничился повтореніемъ, что никогда его рука не напишетъ этого несправедливаго приказа, и вышелъ изъ кабинета. Тогда императоръ написалъ ему письмо съ изъясненіемъ всѣхъ обстоятельствъ, оправдывающихъ его приказъ. Растопчинъ снова отказался подчиниться ему, а когда гнѣвъ императора смягчился, то онъ далъ повелѣніе, чтобы Чарторижскій удаленъ былъ отъ двора въ мягкой формѣ, въ видѣ назначенія его посланникомъ къ Сардинскому королю, который, будучи вынужденъ революціонными войсками оставить свое государство, скитался по тѣмъ мѣстамъ Италіи, гдѣ сохранялось спокойствіе. Великій князь Александръ былъ удрученъ этимъ назначеніемъ, такъ какъ ни онъ, ни князь Чарторижскій не сомнѣвались въ томъ, что оно похоже было на ссылку. Великій князь тотчасъ пришелъ къ своей супругѣ, чтобы раздѣлить съ ней свою скорбь, и они оба терялись въ догадкахъ о при-

чинѣ такого внезапнаго распоряженія. Ихъ императорскія высочества приняли князя Чарторижскаго послѣ обѣда. Онъ привелъ имъ доводы, доказывавшіе, что его удаленіе пытались связать со слухами, накладывавшими тѣнь на великую княгиню. Она была глубоко оскорблена этимъ, и это чувство отражалось на ея лицѣ, когда вечеромъ явилась къ императору. Войдя въ комнату, гдѣ обыкновенно ожидали его великія княгини, императоръ, не говоря ни слова, взялъ великую княгиню Елисавету за руку, повернулъ ее лицомъ къ свѣту и устремилъ на нее пристальный взглядъ. Съ этого времени онъ не говорилъ съ нею въ теченіе трехъ мѣсяцевъ.

Вечеромъ того же дня графъ Толстой, проявлявшій, по видимому, самое сердечное участіе къ постигшему ихъ высочества горю, сообщилъ имъ о подозрѣніяхъ императора, въ умѣ котораго успѣли возбудить сомнѣнія въ чистотѣ поведенія великой княгини. Графъ Толстой предложилъ свои услуги, чтобы открыть источникъ этой интриги, и вотъ что, по его увѣренію, онъ узналъ отъ Кутузова. Въ тотъ день, когда императрица принесла великую княжну-младенца къ императору, Кутузовъ и графъ Растопчинъ были въ комнатахъ его величества. Императрица отмѣтила императору ту особенность младенца, что онъ былъ смугль, тогда какъ великая княгиня Елисавета и великій князь Александръ были блондины. Послѣ ухода императрицы, императоръ остался одинъ съ Растопчинымъ, и затѣмъ Растопчинъ, выйдя отъ государя, написалъ и приготовилъ къ подписи указъ объ удаленіи князя Чарторижскаго. Послѣ этого казалось яснымъ, что Растопчинъ внушилъ императору неосновательныя подозрѣнія противъ великой княгини. Но что могло побудить его къ этому? Между нимъ и кн. Чарторижскимъ никогда не существовало вражды, и Чарторижскій до этого времени не имѣлъ повода на него жаловаться. Значить, это случилось вслѣдствіе подстрекательства моего мужа, который, казалось, не желалъ добра кн. Чарторижскому и который, кромѣ того, хотѣлъ отомстить за себя великому князю. Тутъ вспомнили все, что мы дѣлали, чтобы гомѣшать сближенію Чарторижскаго съ великимъ княземъ, такъ какъ я никогда не скрывала своихъ чувствъ къ Чарторижскому. При всѣхъ случаяхъ я доказывала своимъ поведеніемъ, что принципы для меня были дороже благосклонности, но предположимъ, что мною руководили другіе мотивы, и было рѣшено, что мой мужъ и я пожертвовали репутаціей великой княгини, чтобы удовлетворить чувству личной вражды и мщенія.

„Я приняла близко къ сердцу горести великой княгини и была далека отъ мысли, что въ нихъ обвинять именно меня.

Для великой княгини, казалось, не было сомнѣній, что причина постигшаго ее несчастія именно я. Въ періодъ нѣжной юности кажется правдоподобнымъ самое невѣроятное: допускаютъ существованіе самыхъ высокихъ добродѣтелей, но когда обстоятельства показываютъ дурныя свойства чело-вѣческаго сердца, скорѣе признаютъ самое черное преступленіе, чѣмъ артистически разыгранную интригу. Первые несчастія въ жизни великой княгини связаны были послѣдовательно съ предметами, столь дорогими ея сердцу, что должны были причинить ей жестокою скорбь. Она считала себя жертвой измѣны со стороны лица, котораго она нѣжно любила и на нерушимую преданность котораго имѣла полное право рассчитывать. Поступокъ императора былъ для нея публичнымъ обвиненіемъ, она осталась безъ всякой защиты, и все это она приписывала мнѣ. Такимъ образомъ ея сердцу нанесена была глубокая рана. Но вскорѣ чувство негодованія дало ей силу не показывать тѣмъ, кто ее оскорбилъ (кто бы они ни были), что они достигли своей цѣли. Въ обществѣ она выказывала полную сдержанность, а въ домашнемъ кругу она старалась изгладить всякую мысль о моемъ мужѣ и обо мнѣ. Она смотрѣла на насъ съ этого времени какъ на заклятыхъ враговъ“.

Разумѣется, что сомнѣнія, возбужденныя въ умѣ императора Павла Петровича рожденіемъ великой княжны Маріи Александровны, не остались безъ слѣда въ воспоминаніяхъ и другихъ современниковъ Павловскаго времени. Проф. Аскенази ссылается при этомъ на рассказы, съ польской стороны, графини Потоцкой, жены Адама Потоцкаго, рожденной графини Браницкой—живого источника русско-польскихъ традицій; то же подтвердили ему кн. Адамъ Сапѣга, кн. Константинъ Чарторижскій и графъ Карлъ Ланцкоронскій, потомокъ Головиной и владѣлецъ оригинала ея „Записокъ“. Французскій посоль при дворѣ Николая I, баронъ Барантъ, въ своихъ „Мемуарахъ“ оставилъ слѣдующій рассказъ, переданный ему современниками Александра I. „Послѣ своей женитьбы, когда Александръ былъ еще только великимъ княземъ, онъ охладѣлъ къ своей супругѣ, хотя она была прелестна. Не считая справедливымъ требовать отъ нея соблюденія супружеской вѣрности, которую онъ самъ не хотѣлъ сохранять, онъ предложилъ ей взаимную свободу въ этомъ отношеніи. Великая

княгиня скоро воспользовалась предоставленнымъ ей правомъ и избрала своимъ фаворитомъ князя Чарторижскаго. Великій князь остался доволенъ этимъ выборомъ и всячески благопріятствовалъ этой связи. Послѣ этого великая княгиня забеременѣла и родила. Когда графиня Ливенъ, бывшая статсъ-дамой, поднесла дитя къ императору Павлу, онъ замѣтилъ черные глаза и пушокъ новорожденного ребенка. „Сударыня,—сказалъ онъ графинѣ,—думаете ли вы, что бѣлокурые родители могутъ имѣть черноволосаго ребенка?“ Статсъ-дама не нашла ничего лучшаго, какъ сказать: „Государь, Богъ всемогущъ“. Этотъ ребенокъ - дочь не прожила долго. Въ разсказѣ фрейлины Мухановой, болѣе правдоподобномъ, вопросъ императора Павла о ребенкѣ обращенъ былъ не къ статсъ-дамѣ Ливенъ, а къ придворному доктору Беку, который отвѣтилъ императору, что „для Бога нѣтъ ничего невозможнаго“.

Что касается до самого великаго князя Александра Павловича, то, играя двойную роль въ глазахъ публики: то счастливаго отца, то слѣпотаго мужа,—матери своей, императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, онъ, будучи императоромъ, высказывался о поведеніи своей жены въ неодобрительномъ тонѣ, устраняя всякую мысль о своемъ пособничествѣ Чарторижскому и подчеркивая свое деликатное отношеніе къ женѣ. Въ неизданной части „Дневника“ секретаря Маріи Ѳеодоровны Вилламова записанъ разговоръ его объ императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ съ императрицей Маріей. Указавъ своему собесѣднику на холодность отношеній невестки къ императору Александру, императрица Марія, на основаніи собственныхъ наблюденій и бесѣдъ съ сыномъ, высказала свое убѣжденіе, что отъ самой Елисаветы зависѣло всегда привлечь къ себѣ мужа, который съ необычайной деликатностью относился къ ней въ періоды связи ея сначала съ Чарторижскимъ (1796—1798 гг.), а затѣмъ съ Охотниковымъ (1805—1806 гг.).

Такимъ образомъ связь Елисаветы съ Чарторижскимъ подтверждается собственнымъ признаніемъ Александра въ интимныхъ бесѣдахъ его съ матерью, при чемъ онъ, естественно, не пожелалъ уяснить ей истиннаго характера своей роли въ этой исторіи, сваливъ всю отвѣтственность на жену. Тщательно изучивъ личность императрицы Маріи Ѳеодоровны и характеръ ея отношеній къ своему первенцу, мы не думаемъ, чтобы онъ могъ вполнѣ обмануть ее въ этомъ отношеніи. Отбросивъ личныя, сентиментальныя свои воззрѣнія, она взглянула на вопросъ, съ практичностью истой нѣмки,

съ династической точки зрѣнія и для усугубленія виновности своей невѣстки привела Вилламову подлинныя слова мужа-византійца: „Я былъ внѣ себя, ожидая разрѣшенія жены отъ бремени: что я сталъ бы дѣлать, если бы у нея отъ посторонней связи родился сынъ, наслѣдникъ русскаго престола?“ Безъ сомнѣнія, положеніе Александра въ этомъ случаѣ было трагическое, но не забудемъ, что этотъ человѣкъ, „къ противочувствіямъ привычный“, ставилъ себя въ положенія еще болѣе трагическія, напр., при ужасной кончинѣ отца.

Замѣтимъ кстати, что обѣ дочери императрицы Елисаветы Алексѣвны, Марія Александровна (отъ Чарторижскаго)¹⁾ и Елисавета Александровна (отъ Охотникова), умирали на второмъ году своего возраста и обѣ погребены не въ Петропавловскомъ Соборѣ, а въ Благовѣщенской церкви Александроневской лавры.

Мы не имѣемъ никакихъ данныхъ со стороны самой императрицы Елисаветы Алексѣвны, чтобы судить о ея переживаніяхъ въ періодъ связи ея съ Чарторижскимъ: въ письмахъ ея къ матери о ней нѣтъ и намекъ, а бумаги, оставшіяся послѣ кончины Елисаветы Алексѣвны въ 1826 г., въ томъ числѣ и ея драгоцѣнный для исторіи „Дневникъ“, были сожжены рукою императора Николая Павловича, не щадившаго историческихъ документовъ, если, по той или другой причинѣ, они не согласовались съ его симпатіями и воззрѣніями. Тѣмъ важнѣе вновь появляющіеся матеріалы съ другой, доселѣ молчавшей, стороны, т.-е. князя Адама Чарторижскаго. Проф. Львовскаго университета Аскенази, получившій доступъ къ архиву князей Чарторижскихъ, готовитъ въ настоящее время изданіе дневника и корреспонденціи кн. Адама Чарторижскаго, изъ которыхъ явствуетъ существованіе необычныхъ отношеній его къ императрицѣ Елисаветѣ, романтическаго характера, и подтверждается извѣстіе о происходившей между ними перепискѣ. Чарторижскій, возвратившійся въ Петербургъ послѣ смерти Павла I, былъ потомъ до 1807 г. въ числѣ ближайшихъ совѣтниковъ Александра и какъ членъ извѣстнаго комитета спасенія, и какъ министръ иностранныхъ дѣлъ. Но и послѣ того онъ оставался въ Петербургѣ до 1810 года. Хотя связь его съ Елисаветой уже не возобновлялась, но она оставила послѣ себя прочныя слѣды взаимнаго пониманія и дружескихъ отношеній, вполнѣ чистыхъ со стороны Елисаветы

¹⁾ Великая княжна Марія Александровна умерла 27 іюля 1800 г.

Алексѣвны и не всегда безкорыстныхъ со стороны кн. Адама, всегда имѣвшаго въ виду интересы своей польской отчины. Проф. Аскенази приводитъ въ „Голосѣ минувшаго“ слѣдующіе отрывки изъ „Дневника“ кн. Чарторижскаго за 1814—1815 г.г., касающіеся императрицы Елисаветы, справедливо полагая, что изъ отрывковъ этихъ самъ читатель сдѣлаетъ вѣрное заключеніе о характерѣ существовавшихъ между ними отношеній. Напомнимъ читателю, что въ 1814—1815 г.г. въ Вѣнѣ засѣдалъ конгрессъ, гдѣ находились многіе монархи и гдѣ рѣшались судьбы Европы и Польши.

„(Вѣна, сентябрь—октябрь 1814 г.). Приѣздъ въ Вѣну. Здѣсь я вижу ее, сильно измѣнившуюся, но для меня всегда ту же со стороны ея и моихъ чувствъ. (Они утратили свой пылъ, но въ нихъ сохранилось достаточно силы, чтобы вовсе не видѣть ея было великой мукой). Разъ только до сихъ поръ я видѣлъ ее; плохо принятый, я переживаю непріятные дни...

„Она выбираетъ меня къ танцу у Штакельберга¹⁾. Онъ²⁾ постоянно болтаетъ мнѣ на ухо, чтобы стереть это.

„Не вижу ея; мнѣ кажется, что она мѣняется. Всѣмъ она нравится. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ похорошѣла... Я печаленъ и несчастливъ, какимъ давно не былъ. Я предостерегъ относительно его³⁾ мысли о примиреніи...

„3 декабря... Попадаю къ Нарышкину. Вторая встрѣча. Признаны новыя обязанности... Она всегда истинный ангелъ. Ея письмо...

„Моя тетка⁴⁾ сплетничаетъ; мой отецъ⁵⁾ сказалъ ей о ней. Наука, что мало кому можно довѣрить настоящую и важную тайну. Третья встрѣча при посредствѣ Нарышкина... Визитъ императора у (къ?) моей теткѣ... Ея визитъ и письмо... Жаръ... и сны, и угрызенія, укоряющія въ виновности. Станъ и лицо измѣнились, однако все та же очаровательность, а душа ангельская...

„18 января (1815 г.)... Къ ней пишу.

„До 28 января. Письмо... отдано и сейчасъ на слѣдующій день вижу ее. Разнообразность моихъ чувствъ. Она всегда пер-

¹⁾ Россійскій посоль въ Вѣнѣ.

²⁾ Вѣроятно, Александръ.

³⁾ Алекс ндра?

⁴⁾ Княг. Елизавета Любомирская, рожд. Чарторижская, вдова маршалка Станислава Любомирскаго.

⁵⁾ Старый князь Адѣмъ-Казимиръ Чарторижскій тогда отсутствовалъ въ Вѣнѣ; очевидно, уже раньше онъ проболтался передъ сестрой своей, княг. Любомирской.

вый и единственный предметъ. Обмѣнъ кольцами. Ея доброта, ея чувства иного рода. Она не хочетъ остаться въ Германіи; герцогъ Брауншвейгскій совѣтуетъ это; она приноситъ себя въ жертву... Мои сплины; я испорченъ доброжелательностью и любовью;... душа не можетъ подняться до ея превосходства...

„Я желаю ей счастья и завидую ему; страстно люблю, а все-таки...; я все посвятилъ бы, а святость чувства недостаточно сохраняю. Долгая неуверенность, противность и неустанная обиды, и двадцатилѣтнее ожиданіе, и ея уже въ теченіе столькихъ лѣтъ прикрытое чувство разрушили правильный порядокъ сердца. Несчастія одной невѣрности¹⁾ потрясли нѣкоторые самые деликатные принципы. Но это не оправдываетъ меня, такъ какъ я отъ сердца простилъ; и она не прощенія, но любви, уваженія и обожанія достойна...

„16 февраля... Великая печаль угнетаетъ меня и отвращеніе ко свѣту. Она, быть можетъ, недовольна...

„До 3 марта. Боязнь за перемѣну въ ней потрясаетъ меня сильнѣе всего своею жалостію... печаль, такъ что чувствую себя больнымъ. Пишу къ ней... Мой разговоръ съ императоромъ... Поднимаю матерію о ней.

„8 марта. Ея отъѣздъ. Въ канунъ отъѣзда утромъ прощаюсь. Сила этого союза достойна вниманія... между тѣмъ какъ время, отдаленіе и неизбѣжность должны были стереть чувство и потушить его одними препятствіями: оно собственной силой все преодолеваетъ. Ничто уже не говоритъ въ его пользу: ни желаніе счастья и наслажденія, ни разсудительность, ни какая бы то ни было надежда, ничто мірское и человѣческое; однако, оно сильнѣе столькихъ различныхъ побужденій. Я говорю и пишу о необходимости брака²⁾. Она радуется извѣстію о появленіи Наполеона въ надеждѣ, что на болѣе долгое время останется въ Германіи. Перемѣна во мнѣ... чувства искреннія, глубокія, которыя захватываютъ всю душу и насквозь проникаютъ... только принадлежали и принадлежать ей“.

Во всякомъ случаѣ, для русской исторіи изслѣдованія отношеній императрицы Елисаветы Алексѣевны къ Чарторижскому представляются небезполезными. Въ XVIII и XIX в. частная жизнь монарховъ иногда тѣсно переплеталась съ политической жизнью народовъ и управляла ими. Вліяніе Чарто-

¹⁾ Вѣроятно, по дѣлу Охотникова.

²⁾ Кн. Адамъ еще не былъ женатъ въ это время.

рижскаго на Александра I, въ связи съ вопросомъ о возрожденіи Польши, признано всѣми, и, кто знаетъ, не завистѣли ли тѣ или другія перипетіи этого вопроса въ умѣ Александра, привыкшаго къ чувствамъ и противочувствіямъ, отъ близости къ его женѣ челоуѣка, умѣвшаго вторгнуться въ его семейную жизнь и не стѣснявшагося говорить съ нимъ объ этомъ даже 20 лѣтъ спустя? Быть можетъ, именно этотъ разговоръ (до 3 марта 1815 г.) и былъ причиною крушенія надеждъ Чарторижскаго сдѣлаться намѣстникомъ Александра въ возрожденной Польшѣ и затѣмъ окончательнаго возвращенія его въ политическое небытіе. Ко многимъ явленіямъ жизни и къ собственнымъ поступкамъ люди въ зрѣломъ возрастѣ относятся часто совершенно иначе, чѣмъ 18—20 лѣтъ. И слѣдуетъ ли прибавлять, что помѣщенный среди такихъ двухъ авгуровъ и знатоковъ своего дѣла, какъ Александръ I и кн. Адамъ Чарторижскій, безмолвный и симпатичный образъ несчастной императрицы Елисаветы Алексѣевны только выигрываетъ въ своей чистотѣ и поэзіи?

Сообщилъ **Е. Шумигорскій.**